

Субботняя
встреча

СЧАСТЬЕ АКТЕРА

ПАНЕВЕЖИС — небольшой, красивый, старинный городок в Литве. В нем — сто тысяч жителей. Известен его завод «Экранас» — одно из крупнейших специализированных предприятий в мире, производящих высококачественные крупногабаритные киоскопы черно-белого телевидения, экспортируемые во многие страны мира. Есть в городе и другие предприятия.

Но всемирной славой Паневежис обязан прежде всего своему театру, который основан в 1940 году и до сих пор руководит им народный артист СССР Юозас Мильтинис. На сцене этого театра играет популярный актер Донатас Бабионис.

В Паневежисе недавно состоялась Всесоюзная летучка репортеров, в числе которых был и наш корреспондент Л. Наршукова. Несмотря на то, что Донатас Бабионис только что сошел с трапа самолета и его ждали срочные дела, он любезно согласился ответить на ряд вопросов. Сегодня он — гость нашей субботней встречи.

экраме то же, что и в книге, — зачем мне такая экранизация? Нельзя требовать, чтобы книга полностью совпала с кинолентой, и наоборот. Экранизация должна обогатить книгу какими-то новыми гранями, новыми красками.

Самая главная моя картина — это «Бетховен», созданная кинематографистами ГДР. Боюсь только, что не буду в ней понят. «Бетховен» — не о биографии великого композитора, а о его сути. Взяты

все пять дней из его жизни. Бетховен тогда готовился писать Девятую симфонию. Был очень болен, многие считали, что он умирает. Мы старались показать этим фильмом, что лет грани творчеству. Показать Бетховена-человека, человечность его музыки. Сам он был человеком с большими достоинствами, но и с немалыми слабостями. И мы не закрывали на них глаза.

Мне было интересно работать над этим образом. Это

лучший фильм за мои последние пять лет, что я работаю в кино. Но, идя на «Бетховена», нужно подготовиться, почитать об этом великом композиторе хотя бы в энциклопедии, иначе не поймешь, о каком периоде его жизни идет речь. Фильм этот для тех, кто знает о Бетховене.

Очень дорог мне «Солярис», потому что этот фильм призывает любить и беречь землю, природу, людей, он очень гуманный. Но исполнение роли Келвина не считаю

удачным для себя. Этот фильм не кинематографический, с первого раза его не понять.

— С чего начался Ваш путь в искусстве?

— Я родился, жил, учился в Каунасе. С детских лет участвовал в художественной самодеятельности. Когда в моем родном городе Юозас Мильтинис в 1939 году стал собирать труппу для театра, я учился в керамической школе. Поддавшись уговорам моих товарищей, я тоже попытался принять участие в конкурсе по приему в студию. Они-то были приняты, а мне Мильтинис предложил прийти попозже. В Каунасе не смогли найти помещение, и театр переехал в Паневежис. Сейчас он располагает прекрасным зданием. В мае 1941 года, когда я окончил керамическую школу, театр Мильтиниса приехал на гастроли в Каунас. Я сделал еще одну попытку попасть в него. Мильтинис устроил мне экзамен, и с 1 июня 1941 года я был зачислен учеником в студию театра. Тогда я просто хотел играть на сцене, принципов театрального искусства у меня еще никаких не было. В театре началось формирование моего мировоззрения, моего отношения к искусству. Огромное влияние на меня оказал Мильтинис. Это большая психологическая, реалистическая, психологическая правда.

личность. Его принцип — реалистическая, психологическая правда.

Моя первая роль была в пьесе «Джаллинос» — 16-летнего ученика школы. Собственно, сыграл я самого себя, сыграл хорошо, успех был мгновенный. Потом долгие годы я платил за этот успех большими муками, мне долго не везло, потому что я тогда еще не понял сути искусства. Например, дали мне в следующей пьесе роль маркиза, а я все играл школьника.

Сильные актерские неудачи меня преследовали до 1949—1950 годов. Потом занялся нормально. Но и я сейчас еще не считаю себя настоящим актером, потому что я выделяю настоящих, таких, как старые мхатовцы, например.

— Будь у Вас свобода выбора, какую роль Вы хотели бы сыграть?

— Такой роли нет, какую я бы заранее надеялся хорошо сыграть, потому что сама роль в отрыве от спектакля или фильма в целом, от актерского состава — ничто. Есть предложения — я выбираю. Я должен знать, кто режиссер, кто будет играть в каком театре, что за спектакль или фильм. В кино я самым главным считаю режиссера. От него прежде всего зависит, как воплотится, интерпретируется сценарий. Как режиссер понимает пьесу, сценарий — от этого зависит спектакль, фильм. А сам сценарий — это лишь бумага, слова. Режиссером по-

мер один в кино считаю Тарковского.

— Большая роль — большая работа. Как Вы ее готовите, какое влияние она на Вас оказывает?

— Большие роли формируют мое мировоззрение. В них находишь и подтверждение своих мыслей, своего мироощущения. В Бетховене, например. Ряд ролей сформировал у меня ненависть к войне, к моральному упадку, к моральной деградации, что я наблюдал, бывая на Западе.

Когда снимаешься в фильме — играешь отдельные куски. И пока он не будет полностью готов, не представляешь, что из твоей работы получится. А потом смотришь — и сам удивляешься, и радуешься, если роль удалась. Тогда счастлив, забываешь о всех неимоверных трудностях и муках, какие испытывал и пережил, работая над ролью. Но бывает, что казнишь себя, замечая явные промахи, недоработки, ошибки. Нет горше этого чувства для актера. Но нет и большей радости, когда своей игрой ты оставил глубокий след в душе зрителя, по-доброму повлиял хоть в чем-то на его жизнь, поступки, отношения с людьми, помог ему лучше познать самого себя.

— Желаем Вам чаще испытывать такую радость. Мы же, зрители, с нетерпением ждем новых встреч с Вами на киноэкране.